

Оливер
Пилат

АТОМНЫЕ

ШПИОНЫ

Охота за американскими
ядерными секретами

В ГОДЫ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Оливер Пилат

**Атомные шпионы. Охота за
американскими ядерными
секретами в годы холодной войны**

«Центрполиграф»

УДК 355.40
ББК 67.401.212

Пилат О.

Атомные шпионы. Охота за американскими ядерными секретами в годы холодной войны / О. Пилат — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5377-7

Книга представляет собой подробное исследование того, как происходила кража величайшей военной тайны в мире, о ее участниках и мотивах, стоявших за их поступками. Читателю представлен рассказ о жизни некоторых главных действующих лиц атомного шпионажа, основанный на документальных данных, главным образом, на их личных показаниях в суде и на допросах ФБР. Помимо подробного изложения событий, приведших к суду над Розенбергами и другими, в книге содержатся любопытные детали об их детстве и юности, личных качествах, отношениях с близкими и коллегами. Повествование погружает в атмосферу оголтелого антикоммунизма начала холодной войны и являет собой яркий образец безудержной антисоветской пропаганды, мало известной в России.

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-9524-5377-7

© Пилат О.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Оливер Пилат
Атомные шпионы
Охота за американскими ядерными
секретами в годы холодной войны

Посвящается Джеффри и Бетси

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Утраченная тайна

В воскресное утро 3 июня 1945 года, примерно за шесть недель до того, как вспышка ярче солнца, озарившая небо над Аламогордо, возвестила наступление атомной эры, низенький толстяк с опущенными плечами и обиженным лицом поднялся по крутой лестнице дома 209 по Норт-Хай-стрит в Альбукерке, штат Нью-Мексико, и постучался в первую квартиру. Дверь ему открыл молодой человек в халате и тапочках.

– Мистер Грингласс? – осведомился незнакомец, а когда тот кивнул, вошел и, запыхавшись, сказал: «Я от Юлиуса», особо подчеркнув последнее слово.

– О, – отреагировал Грингласс.

Закрыв дверь, он подошел к столу, на котором лежала сумочка его жены, открыл ее и достал кусочек картона длиной пять – семь сантиметров, оторванный от коробки из-под малинового желе фирмы «Джелл-О» с инструкцией по приготовлению (а не с маленькой девочкой на картинке). Гость извлек из кармана такой же кусочек. Два клочка в их руках, совершенно очевидно, были отрезаны от одной коробки, так что не было никакой нужды внимательно их сличать. Дэвид Грингласс удовлетворенно улыбнулся; несмотря на почти девяностокилограммовый вес, этот здоровяк с кустистыми черными бровями и черной гривой волос производил впечатление человека благодушного.

– Моя жена Рут, – сказал он.

Гость кивнул румяной, голубоглазой девушке тоже в халате и тапочках, которой на вид едва исполнилось двадцать лет.

– Я Дейв из Питтсбурга, – произнес он неожиданно мягким тоном.

– Какое совпадение, – шаблонно отозвалась Рут Грингласс, а ее блуждающий взгляд выхватывал все следы беспорядка в комнате, одновременно спальне и гостиной. – Вы с Дэвидом тезки.

– Мы сегодня, в общем-то, никого не ждали, – сказал Дэвид Грингласс Дэвиду из Питтсбурга, который на самом деле был Гарри Голдом из Филадельфии. – Это приятная неожиданность. Не хотите перекусить?

Голд ответил, что уже позавтракал. Он стоял, чуть склонив голову и прикрыв веки, как будто к чему-то прислушивался.

– У вас есть для меня какая-нибудь информация? – спросил он.

– Есть кое-какая, но только ее еще нужно записать, – ответил Грингласс.

Рут Грингласс пошла в крохотную кухню заварить свежего кофе, но к ее возвращению мужчины уже пожимали друг другу руки, договорившись, что Голд вернется в 3 часа за необходимой ему информацией по Лос-Аламосу.

Пару часов Гарри Голд читал детектив у себя в номере отеля «Хилтон», потом там же пообедал. Он зарегистрировался в гостинице под своим настоящим именем, без багажа, еще накануне, после того как около восьми часов вечера побывал по адресу Норт-Хай-стрит, но только всполюшил высокого, сутулого мужчину с белыми волосами, который сказал, что Гринглассы куда-то ушли, но утром наверняка будут дома. Ровно в три часа Голд вернулся к Гринглассам. На Дэвиде была его военная форма со знаками различия техника 5-го класса, которые свидетельствовали о его капральском звании. Рут заварила чай и поставила на стол мелкое печенье. Отчет Дэвида уже был готов, он представлял собой несколько листов линованной белой бумаги размером 20 на 25 сантиметров с разными схематичными чертежами, то есть набросками от руки, по опытам с плоскими взрывными линзами для детонации атомной бомбы, над которыми он работал в самой маленькой из трех сверхсекретных технических

лабораторий Лос-Аламоса. Еще к ним прилагалась пара страниц с пояснением букв и значков на чертежах, а также лист со списком лиц в Лос-Аламосе, которых можно было бы завербовать.

– Я хочу объяснить, – сказал Грингласс, – почему включил в этот список имя одного человека. Я поговорил кое с кем насчет него. Может, на первый взгляд, он и не совсем годится, но ходят слухи...

Гарри Голд резко оборвал его.

– Ваш поступок очень опасен, это безответственность! – сказал он, весьма раздосадованный. – Зачем вы это делаете? Никогда, ни при каких обстоятельствах вы не должны даже пытаться просить у кого-то помощи в вашей работе. Вам следует быть осмотрительнее в действиях. Не давайте никому ни малейшего повода заподозрить, что вы передаете какие-то сведения на сторону.

Дэвид Грингласс повел широкими плечами и нахмурился, но заговорил он кротким тоном.

– Юлиусу нужен был список людей, которые сочувствуют коммунизму и могли бы добывать информацию, – сказал он. – Вы же пришли от Юлиуса, разве нет?

Этими словами он как бы намекал: Юлиус ваш начальник, не так ли? Гарри Голд не видел причин объяснять ему, что даже не знаком с Юлиусом Розенбергом.

– Я возьму список, – ответил он.

Эту коробку из-под желе Розенберг разрезал пополам, чтобы сделать из нее опознавательный знак, еще когда в январе встречался с Гринглассами в Нью-Йорке. Одну половину он отдал Рут, пояснив, что другая половина будет у связника. Он намекнул, что связником будет та женщина, с которой они познакомились чуть раньше тем же вечером, но Анатолий Яковлев, советский руководитель Розенберга в Нью-Йорке, изменил договоренность.

Когда Яковлев передал Голду кусочек коробки, Голд воспротивился, насколько хватило смелости. Но Яковлев настаивал на том, что это обязательно. Голд говорил, что, по его мнению, неразумно ставить под угрозу его чрезвычайно важную поездку к доктору Клаусу Фуксу в Санта-Фе из-за этого дополнительного задания. Яковлев сказал, что Голд, как видно, не понимает, что это не менее важное дело; словом, он должен ехать и в Альбукерке, и в Санта-Фе. Голд не соглашался, и тогда Яковлев прошипел: «Это приказ». Как обычно, советский агент все распланировал. Голд поедет кружным путем, сказал он, сначала в Финикс, потом в Эль-Пасо и оттуда уже в Санта-Фе. Из Санта-Фе он может автобусом добраться до Альбукерке за пару часов.

Поскольку Голд сумел взять лишь короткий отпуск по месту работы в Филадельфии, он решил не ехать в Нью-Мексико в объезд через Аризону и Техас. Отправился напрямик в Санта-Фе и прибыл туда около половины третьего после полудня в субботу 2 июня, за полтора часа до назначенной встречи. Гуляя по городу, он зашел в музей и взял карту Санта-Фе, чтобы не спрашивать дорогу у незнакомцев. На карте он пометил мост на Кастилло-стрит. Ровно в четыре часа к мосту со стороны Аламеда-стрит подъехал Клаус Фукс на своем выдавшем виды «шевроле». Британский ученый посадил Голда в машину, называя его Реймондом. Они недолго покатались за городом, пока Фукс излагал некоторые подробности предстоящего испытания в Аламогордо. Он сказал, что, по его прогнозу, успешного взрыва следует ожидать не раньше 1946 года, хотя за последнее время они добились впечатляющего прогресса. Перед самым расставанием в Санта-Фе Фукс передал Голду внушительный пакет с машинописными заметками. Оттуда Голд поехал на встречу с Гринглассами в Альбукерке.

Голда еще давно проинструктировали уходить сразу же после получения документов или, говоря иначе, не брать никаких документов, пока он не будет готов уйти. В случае задержания, если документы останутся у информатора на руках, он все еще сможет заявить о своей невинности, после же передачи оба окажутся под угрозой. Поэтому в тот воскресный июньский день в Альбукерке, хотя Голд и находился в безопасности за закрытой дверью квартиры

Гринглассов, он почувствовал себя не в своей тарелке, как только отчет техника оказался в его руках.

– Мне пора, – сказал он и встал из-за стола.

Дэвид Грингласс улыбнулся:

– Подождите секунду, мы выйдем вместе с вами.

Рут Грингласс заметила, что виделась с Юлиусом перед самым отъездом из Нью-Йорка в феврале, потом помянула жену Юлиуса Этель, но Голд на это ничего не ответил, а только вручил Дэвиду запечатанный белый конверт. Грингласс пощупал, настолько он толстый, но не стал открывать, чтобы посмотреть, сколько в нем денег.

– Этого хватит? – спросил Голд, как будто намекая, чтобы он взглянул на деньги.

– Ну, пока хватит, – ответил Грингласс, сунув нераспечатанный конверт в карман.

– Вам очень нужны деньги, – сказал Голд скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Нам пришлось потратиться, – согласился Грингласс. – Знаете, у Рут был выкидыш в апреле, пришлось оплачивать медицинские счета, и работать она не могла, да тут еще и другие расходы.

Рут поджала губы.

– Я готова, – объявила она.

Голд поспешно перевел неуверенный взгляд с мужа на жену и обратно.

– Я посмотрю, нельзя ли раздобыть для вас еще денег, – пообещал он.

– Это бы нам не помешало, – сказал Дэвид, когда они выходили.

Голд заметил, что знает дорогу от здания Объединения служб организации досуга войск, тем самым давая понять, что дальше предпочел бы идти без провожатых. По проулку, который спускался под горку, они дошли до Объединения. Грингласс сказал, что на Рождество ему должны дать настоящий отпуск, не увольнительную на выходные, как в этот раз, а дней двадцать, а то и больше, и он, может быть, приедет в Нью-Йорк.

– Если захотите там связаться со мной, – сказал он, – позвоните моему шурину Юлиусу.

Он дал номер Юлиуса в Никербокер-Виллидж в Нью-Йорке. Голд сказал, что, вполне возможно, увидится с Гринглассами еще до Рождества, так как планирует поездку на Юго-Запад в начале осени. Попрощавшись с Голдом, Гринглассы тактично зашли в здание Объединения, а тот направился дальше. Когда они вышли на улицу, Голд уже скрылся. Они молча вернулись домой, вскрыли конверт и нашли там 500 долларов.

Дэвид Грингласс отдал деньги жене.

– Мы можем на них прожить, – сказал он. – Ты же можешь уложиться в эту сумму? В чем тогда проблема?

– Юлиус говорил, что мы будем передавать сведения в научных целях, – затараторила Рут. – Теперь-то я вижу, как это делается: ты передаешь, а тебе за них платят. Получается, что ты просто... просто их продаешь!

У нее задрожал голос, и она расплакалась. Дэвид медленно покачал головой и обнял ее, стараясь утешить, как мог.

К Рут вернулось хорошее настроение еще до того, как он сел в автобус, чтобы возвратиться в Лос-Аламос, и она в точности распланировала, как поступить с деньгами: 400 долларов утром положить на счет в Кредитно-сберегательном банке Альбукерке, на 37,50 купить военных облигаций, а остальные пустить на хозяйственные расходы.

Где-то в Канзасе, на поезде, который направлялся в Чикаго, Гарри Голд осмотрел свой судьбоносный улов. Хотя, будучи химиком, он имел некоторую научную подготовку, ему было тяжело вникнуть в теоретические рассуждения Фукса об использовании расщепления атома для производства нового вооружения. Выхватив кое-где из текста по паре предложений, он сложил листы в коричневый конверт с латунной застежкой и надписью «Врач». Материал Грингласса был попроще и с иллюстрациями, но паучий почерк капрала разобрать было нелегко.

Через несколько минут Голд отложил и эти бумаги и убрал их в другой коричневый конверт с меткой «Прочее».

Глядя сквозь плохо вымытое окно на сливающиеся картины ровных плодородных полей, Голд поздравил себя с тем, как экономно и эффективно он провел свою операцию. Считая двадцать минут с Фуксом и две короткие встречи с Гринглассами, в целом время, которое он потратил на разговоры с информаторами, едва превысило час. Он не потратил никаких денег, кроме 500 долларов для Гринглассов, поскольку доктор Фукс еще раньше отказался от полутора тысяч, которые привез ему Голд на предыдущую встречу, и больше его деньгами не искушали. Что характерно, Голд исключил свои собственные расходы, которые были невелики; как обычно, он взял билет на верхнюю полку, питался чем придется у уличных торговцев, а не обедал в дорогих ресторанах. Его внимание привлекла пара ребятишек напротив, которые никак не могли угомониться. Голд угостил их конфетами и сказал родителям: «У меня самого дома такие же». И потом снова уставился невидящим взглядом на сельские пейзажи Канзаса.

Голд приехал в Нью-Йорк вечером 5 июня, как раз вовремя для назначенной встречи с Яковлевым – худощавым, нервным мужчиной лет тридцати с небольшим, который был зарегистрирован как сотрудник советского консульства, чтобы получить возможность вести шпионскую деятельность. Встреча должна была состояться в Бруклине, там, где Метрополитен-авеню уходила в район Квинса. Голд, как обычно, пошел окольным путем, применяя знакомые уловки, чтобы оторваться от возможной слежки, например, ждал на платформе или в поезде метро, как будто зачитавшись газетой, пока двери уже не начинали закрываться, и лишь тогда протискивался в них в последнюю секунду. Встреча была назначена на 10 вечера, и когда Голд скользнул в ближайший пустой переулок, чтобы в последний раз проверить, нет ли хвоста, местность показалась ему безлюдной и пугающей. Умение чувствовать слежку – огромное подспорье в таких делах, – говорило ему, что все в порядке, но он все же решил подстраховаться.

Почти ровно в десять Голд и Яковлев издали увидели друг друга. Они неторопливо направились навстречу, чтобы при необходимости иметь возможность разойтись в разные стороны. Обменявшись негромким приветствием, они вместе обошли вокруг квартала, остановились поговорить, обменялись газетами и потом быстро разошлись. Та газета, что передал Голду Яковлев со всегдашней дрожью в руке, была совершенно обычной, а в той, что Голд вручил ему, между листов скрывались два коричневых конверта – с надписями «Врач» и «Прочее», – и материалов в них хватило бы для того, чтобы любая современная индустриальная страна, располагая достаточными средствами, трудовыми ресурсами и научными технологиями, могла далеко продвинуться на пути к созданию собственной атомной бомбы.

Придерживаясь графика, составленного ими еще в мае, эти двое снова встретились две недели спустя, ранним вечером, на конечной станции надземного метро на Мейн-стрит во Флашинге. За столиком расположенного неподалеку бара Яковлев и Голд обсудили детали поездки в Нью-Мексико. В конце разговора, который продолжался два с половиной часа, Яковлев рассказал, что оба конверта сразу же отправились в Москву, где произвели настоящую сенсацию. Информация от Грингласса оказалась «особо хорошей и чрезвычайно ценной», сказал Яковлев, что на его языке означало величайшую похвалу. Но и столь высокая оценка была преуменьшением. Когда шесть лет спустя Джон Дерри, начальник производства в составе Комиссии по атомной энергии, увидел наброски Дэвида Грингласса, которые повторяли те, что он передал Гарри Голду в 1945 году, его глаза широко раскрылись от изумления.

– Так на них же атомная бомба, – сказал Дерри, – по существу совсем готова!

Как объяснил эксперт комиссии, под этим он подразумевал не бомбу, испытанную в Аламогордо, и не первую попытку в Хиросиме, а бомбу имплозивного типа, третью и самую важную из ряда произведенных во время войны, – ту, что сбросили на Нагасаки¹.

История знает немало прецедентов, когда шпионаж использовался с целью раздобыть секреты нового оружия, но теперь это было в каком-то смысле оружие совсем иного типа и в каком-то смысле шпионаж совсем иного рода. Атомная бомба прозвучала сигналом к тому, чтобы на продолжительное время опустить занавес над новой мировой войной; молнии самого Юпитера не могли бы прогреметь громче, чем взрывы атомных грибов, стершие с лица земли японские города. Международный характер, высокая стоимость и секретность проекта по высвобождению скрытой в материи энергии и применению ее в военных целях производили ошеломляющее впечатление. Американцы стали считать бомбу чем-то вроде своего амулета, который должен отодвинуть очередную мировую войну на неопределенно долгий срок. Поскольку применение атомного оружия дало японцам возможность сохранить лицо, не совершая харакири всей страной, и принудило их к капитуляции, в США считали, что бомба способна и в будущем остановить любого потенциального агрессора. Национальный оптимизм преувеличил потенциальную степень неуязвимости. Однако и более осмотрительных граждан можно извинить за то, что они примкнули к остальным, ведь даже генерал-майор Лесли Ричард Гровс, военный руководитель «Манхэттенского проекта», под чьим крылом создавалась бомба, не думал, что другие страны сумеют воспроизвести ее в той или иной степени раньше 1960 года. На менее радужные прогнозы отдельных ученых никто не обращал внимания. Поэтому в 1949 году, когда объявили, что Россия произвела атомный взрыв, эта новость стала для большинства американцев огромным потрясением. Последовавшие затем разоблачения шпионов, окутанные туманом тайны, некоторых травмировали так, что они потеряли дар речи. В обществе распространилось ощущение беспомощности и поражения, которое легко понять, но трудно оправдать, учитывая все факты.

Сам масштаб военных мер предосторожности, принятых сотрудниками служб безопасности числом 250 человек, находившихся под непосредственным руководством генерала Гровса, на первый взгляд, должен был гарантировать соблюдение секретности. Среди них были обычные меры: проверка сотрудников, цензура корреспонденции на предприятиях и распределение информации по отдельным участкам работы. Были и экстраординарные меры: от присвоения иностранным физикам псевдонимов, например Бор назывался Бейкером, а Ферми – Фармером, до частной больницы, куда помещали отдельных сотрудников, не выдержавших такого напряжения. Было построено несколько секретных городков, чье общее население превышало 150 тысяч человек. Рассказывали – когда стало можно рассказывать, – что во время войны пожарные из других районов не могли приехать на пожар в Оук-Ридже, потому что у них не было разрешительных документов, или что Гарри Трумэна, тогда сенатора от Миссури, расследовавшего растрату государственных средств при выполнении военных контрактов, охранник не пустил на плутониевый завод в Хэнфорде и доверительно рассказывал ему, будто там производят жевательную резинку, и что доктору Роберту Оппенгеймеру, научному руководителю работ в Лос-Аламосе, в 1944 году пришлось указать на свидетельстве рождения своей дочери Тони странный географический пункт: Сельская местность, округ Сандовал, штат Нью-Мексико.

Джон Кэмпбелл, пионер и патриарх писателей-фантастов, в литературном смысле разрабатывал тему атомных бомб уже десять лет, как вдруг однажды к нему явилось ФБР и в инте-

---

¹ После того как в 1966 г. показания Грингласса были рассекречены, многие ученые, ознакомившись с ними, сочли их неграмотными и не содержащими важной информации, так как Грингласс не имел образования и был не в состоянии разоблачиться в сложных вопросах ядерной физики (*Здесь и далее примеч. пер.*).

ресках национальной безопасности потребовало это прекратить. Кэмпбеллу пришлось немало поспорить, прежде чем удалось убедить власти в том, что столь резкий и беспричинный отказ от любимой темы вызовет большие подозрения. Исходя из тех же соображений, в начале войны генерал Гровс позволил, как обычно, переправить небольшое количество соединений урана в Россию, чтобы внезапный запрет не вызвал ненужных вопросов.

США, сознавая свой туз в рукаве, способный побить любую другую военную карту, безмятежно вошли в послевоенный период. Из-за этого разоружение страны, возможно, было излишне поспешным и широким. Вероятно, это даже сказалось на внешней политике. Потсдамская конференция состоялась примерно через неделю после взрыва в Аламогордо. 24 июля 1945 года в Потсдаме президент Трумэн сказал Сталину, что США разработали беспрецедентно мощное оружие, которое при необходимости может быть использовано против Японии. Бывший госсекретарь Бернс рассказал об этом в своей книге «Откровенно говоря» (Speaking Frankly):

«В ответ Сталин только заметил, что рад услышать о бомбе и надеется, что мы ее применим.

Меня удивило равнодушие Сталина. Я решил, что он не осознал всей важности изобретения. Я думал, что на следующий день он запросит у нас дополнительную информацию. Он этого не сделал. Позднее я пришел к выводу, что, поскольку русские держали в секрете свои военные разработки, они сочли неуместным спрашивать нас о наших».

У чрезвычайной внутренней секретности в СССР была и другая сторона: интенсивная шпионская деятельность за границей; но, очевидно, такая возможность не приходила в голову государственному секретарю США. Когда зимой 1945/46 года прогремело разоблачение шпионской сети в Канаде, оно дало Соединенным Штатам шанс стряхнуть с себя иллюзию о волшебном секретном оружии. Но шанс был потерян, главным образом по той причине, что американские руководители не хотели ставить под угрозу усилия по созданию разумной основы для мирного послевоенного сосуществования с Советским Союзом.

Во время дебатов по атомной энергии в ООН в 1947 году глуховатое, но острое ухо Бернарда Баруха подметило в советских речах кое-какие намеки, которые могли происходить только из засекреченной информации по данному вопросу из самого сердца США. Он сообщил о своих подозрениях в госдепартамент. Зацепки из других источников, включая признания Уиттекера Чемберса и Элизабет Бентли, заставили руководство контрразведки постепенно пересмотреть свою оценку возможного проникновения Советов в военные секреты США. Ученые же тем временем пытались донести до них ту мысль, что общие принципы, на которых основываются все процессы, уже широко известны и что в создании атомной бомбы могут быть тысячи мелких технических секретов, а не одна главная тайна. Еще они говорили, что диспропорция между уровнем американской технологической компетенции в ядерном оружии и уровнем полудюжины других промышленно развитых стран, включая и Россию, не продержится дольше нескольких лет. Но почему-то все эти предостережения не сумели лишить американцев иллюзии об исключительности их бомбы. Таким образом, неизбежно следует вывод, что в этой сфере, как и в некоторых других, Комиссия по атомной энергии и Объединенный комитет конгресса по атомной энергии с позором провалили свою задачу по информированию американского народа.

Когда иллюзия развеялась, горечь оказалась еще сильнее из-за популярного мнения, будто одной атомной бомбой самой по себе можно выиграть крупную войну. Это вздор. Атомная бомба никогда не была решающим оружием; чтобы она стала таковым, ее необходимо сочетать с более традиционными видами вооружений.

После отрезвления кое-кто захотел буквально во всем обвинить успехи советской операции по атомному шпионажу. Так, говорили, что кража бомбы привела к корейской войне, хотя этот конфликт вырос из довольно сложной международной ситуации. Высокие американские налоги связывали с утратой «главного секрета», так как США пришлось увеличить бюджет для обеспечения общего перевооружения, хотя на этом перевооружении покоились американские надежды добиться окончательного, устойчивого договора с Россией ради сохранения мира во всем мире.

Признавая, что шпионаж действительно мог на пару лет ускорить создание советской атомной бомбы, ситуация, сложившаяся в США в начале 1952 года, все же не оправдывала паникерства. Если говорить о первых урано-плутониевых бомбах, то их американский запас по-прежнему исчислялся сотнями, тогда как советский – десятками, по самым лучшим доступным оценкам. В 1951 году были разработаны и испытаны в Неваде небольшие тактические бомбы для выполнения особых боевых задач. Атомное оружие стратегического типа, которое испытывалось на Эниветоке, упростили и усовершенствовали так, чтобы его могли доставлять небольшие реактивные бомбардировщики. На разных заводах от Скенектади до Сан-Диего ускоренно велись работы над ядерными реакторами для подводных лодок и самолетов. Усовершенствованная газодиффузионная установка заработала в Падуке, штат Кентукки, а еще одна установка по обогащению урановой руды с повышенной эффективностью – в Ферналде, штат Огайо. Наконец, более миллиарда долларов было направлено на усилия по созданию водородной бомбы – термоядерного оружия, в тысячу раз более разрушительного, чем атомная бомба, при условии, что такое оружие можно создать, а это представлялось вероятным. Работы велись на реке Саванна в округе Эйкен, что в Южной Каролине.

Все эти новые установки и предприятия ставили один вопрос: если можно судить на основе военного опыта США, удастся ли советской разведке проникнуть на них быстро и глубоко?

Точный ответ на этот вопрос становился еще важнее по той причине, что это оружие как раз и могло оказаться решающим в тех ситуациях, которые не позволяла разрешить атомная бомба. Теоретически рассуждая, на кону стояло само будущее планеты. Альберт Эйнштейн, один из чистейших умов, которые когда-либо находили убежище в США, посчитал нелепостью возникшую на первых порах идею, будто взрыв кучки атомных бомб вызовет цепную реакцию, которая в итоге приведет к уничтожению всей планеты. Если бы такое было возможно, сказал он, это произошло бы давным-давно из-за действия космического излучения. Когда же дело дошло до водородной бомбы, тут он был уже не так уверен. Если взорвать их в достаточно большом количестве, могла бы создаться настолько смертоносная радиоактивность, что она, распространяясь с преобладающими ветрами по земле, уничтожила бы большинство живых организмов, заявил он.

Теоретическую возможность создания водородной бомбы прекрасно понимали уже в 1945 году. Как писали братья Олсом в своей информативной и не встретившей возражений колонке в Вашингтоне, президент Трумэн решил в то время не форсировать ее разработку, так как его советники – выдающиеся ученые и патриоты доктор Виннивар Буш и президент Гарвардского университета Джеймс Конант – полагали, что СССР потребуется от десяти до пятнадцати лет для создания обычной атомной бомбы. В этом они просчитались. Поэтому 1 февраля 1950 года президент Трумэн санкционировал программу разработки водородной бомбы, а также дальнейшее изучение «тех факторов, которые влияют на программу мира и безопасности для нашей страны».

Федерация американских ученых – переименованная Федерация ученых-атомщиков – косвенным образом раскритиковала директиву президента, выступив с заявлением о том, что, «если мы создадим водородные бомбы, то их создадут и русские», хотя не было никаких доказательств того, что русские уже не ведут таких разработок.

Предположим, что по соображениям безопасности мы исходили бы из того, что русские бросились в гонку за водородной бомбой раньше Соединенных Штатов. Является ли это основанием для паники? Не обязательно. Промышленный потенциал Соединенных Штатов был в несколько раз выше, чем потенциал России. Ученые Соединенных Штатов, хоть их и раздражали нормы секретности, были свободнее и в среднем талантливее советских ученых. Общий технологический уровень в США, безусловно, был выше. Пусть исчезла одна ложная и ненужная подпорка для государственной самооценки – иллюзия владения беспрецедентным секретным оружием, однако зачем отбрасывать вместе с нею и вполне обоснованную уверенность в способности страны принять необходимые меры на случай любых непредвиденных обстоятельств?

Неоднократные сообщения из не слишком надежных источников позволяли предположить, что Сталин назначил крайний срок для создания нового оружия, включая и водородную бомбу, на июнь 1952 года. Научные руководители Соединенных Штатов не торопились делать публичные комментарии, но эти сообщения, как видно, их не тревожили. Судя по их позиции, они считали, что Соединенные Штаты по-прежнему идут впереди в исследованиях. Если Советский Союз и располагает каким-то преимуществом, полагали они, то разве что в пропаганде и шпионаже.

Атомные процессы и разоблачения 1950–1952 годов уничтожили всякие остатки двух живучих и опасных американских иллюзий. Одна, разумеется, заключалась в послевоенной сказке, будто бы волшебная новинка, извлеченная из скрытого ядра вещества, гарантирует США вечный мир и безопасность. Другой был еще довоенный либеральный миф о том, что коммунисты не представляют особой проблемы. Оба этих представления рухнули под ударом одной-единственной истории о поездке Гарри Голда в Нью-Мексико в 1945 году.

Либеральная иллюзия о коммунистах уходит в первые годы «Нового курса», когда покойный президент Рузвельт снова пустил в ход капиталистическую машину на горячем реформы после ее серьезной поломки во времена Депрессии. В энтузиазме, порожденном социальной программой Рузвельта, некоторые проявили определенную близорукость. Например, лишь немногие либералы поспешили признать, что молодые городские интеллектуалы, которые и представляли собой основную движущую силу «Нового курса», были заражены радикализмом.

Нет никаких сомнений в том, что пропаганда популярных организаций, выступавших вывесками для коммунизма, помогла в конце тридцатых годов создать общественное мнение, будто коммунисты – это нечто выдуманное реакционерами-антикоммунистами. Если коммунисты вообще существуют, утверждала эта пропаганда, то это отдельные безобидные человеколюбы на стороне добра, то есть на стороне чуть левее центра – на «нашей стороне», – в противоположность эгоистичным эксплуататорам на другой, плохой, стороне. Порой эта иллюзия принимала иную форму: коммунисты существуют, но с ними можно сотрудничать и использовать их. Иногда она не шла дальше мысли, что, если Гитлер не прав, значит, Сталин должен быть прав хотя бы в чем-то. Удивительно, как много порядочных людей затронула эта иллюзия в тех или иных своих формах.

Президент Рузвельт был великий человек, но история принизит его заслуги из-за того, что он думал, будто к Сталину можно относиться как к любому политику из большого города, которым можно манипулировать за счет обаяния. Его поддержка либеральной иллюзии о коммунистах временами доходила до интеллектуальной и эмоциональной безответственности. Она повлияла и на его сторонников. Рассказывают, что в начале войны Дин Ачесон, тогда сотрудник госдепартамента невысокого ранга, зашел к Дональду Хиссу с вопросом, стоит ли хоть сколько-нибудь доверять слухам, которые передал ему Адольф Огастес Берли (который только что разговаривал с человеком по имени Уиттекер Чемберс), о том, что Дональд и его

брат Эдджер Хисс – красные². Чепуха, сказал Дональд Хисс, и Дин Ачесон поблагодарил его за избавление от беспокойства. В 1940 году, или около того, миссис Рузвельт как-то раз пригласила к себе в гости лидеров Американского студенческого союза и вежливо поинтересовалась, есть ли хоть слово правды в слухах о том, что они коммунисты. Ну конечно, нет, хором заявили девушки и юноши из союза тоном уязвленной добродетели, и первая леди сразу же поблагодарила их за откровенность.

Те, кто рассказывает подобные истории, пожалуй, не понимают, что чувство чести и широкая общественная популярность Ачесона были столь же важными его качествами, сколь и его блестящий ум в управлении внешними делами страны. Они могли не знать, что миссис Рузвельт, женщина, которая порой позволяла себе ошибаться, если в итоге оказывалась правой, получала неофициальные доклады об Американском студенческом союзе, об Американском молодежном конгрессе и других подобных структурах, которые использовала для того, чтобы дезавуировать и дискредитировать их среди сочувствующих, и что она открыто и не без успеха боролась с коммунистами в Американской гильдии газетных работников, членом которой была. Также остается фактом и то, что и она, и Ачесон поступили довольно наивно, положившись на честность потенциальных коммунистов при ответе на вопрос, заданный при таких обстоятельствах. В этом они проявили типичное отношение, владевшее тогда и широкой публикой, и конгрессом, и судами, и департаментом юстиции, и в какой-то степени даже такой силовой структурой, как ФБР.

Либеральная иллюзия о коммунистах несколько сдала свои позиции после заключения пакта между Гитлером и Сталиным, главным образом потому, что профсоюзы, следовавшие партийной линии, пытались саботировать национальную оборону. Затем судьбой войны Соединенные Штаты и Советский Союз оказались в недружелюбном союзе. Общественность душой болела за Россию. Города Среднего Запада, в чьем патриотизме невозможно сомневаться, отмечали День Красной армии. Генерал Макартур телеграфировал Кремлю сердечные поздравления с победами. Местные общественные активисты неистово трудились над тем, чтобы помочь России. Внутренние коммунисты в стране старались распространить ту мысль, что они больше американцы, чем обычные американцы, потому что саботируют собственные профсоюзы в стремлении оказать военную помощь России.

За несколькими исключениями, американцы не имели никакой возможности оценить, насколько Советский Союз остался глух к их чувствам. Они не подозревали о том неумолимом недоверии к любым иностранцам, которое скрывалось в самом ядре советской доктрины. Не менее полутора тысяч агентов НКВД наводнили США во время войны под видом содействия поставкам Советскому Союзу по программе ленд-лиза. Уже в 1946 году тысяча этих членов русской тайной полиции, которые горами прибирали к рукам технические чертежи, да и многое другое, проживали в США в качестве приглашенных гостей. США неплохо справлялись со своими главными, известными противниками-шпионами во время войны. Как следует из уже послевоенного доклада Управления по разведке ВМС, *Kriegstagebuch*, то есть журнал боевых действий нацистов, который вел адмирал Вагнер, показал, что немцам так и не удалось раздобыть атомные секреты США. Директор ФБР Гувер в 1946 году похвалялся, что сумел сорвать «шедевр вражеского шпионажа». В статье в «Ридерс дайджест» он рассказал, что в 1940 году США получили наводку, по которой стали отслеживать документы, где встречалось «многомного мелких точек» – это была новая хитрость нацистов, и что в 1942 году это позволило перехватить приказ (подозрительный листок бумаги, помеченный точкой, которую можно раз-

---

² Дин Ачесон – политик, госсекретарь США при президенте Трумэне, ставший объектом критики за то, что вел недостаточно активную борьбу с коммунистами, как внутренними, так и внешними. Адольф Огастес Берли – юрист и экономист, советник Рузвельта, помощник госсекретаря, придерживался антикоммунистических взглядов. Эдджер Хисс – госслужащий, обвиненный в 1948 г. в принадлежности к компартии и шпионаже в пользу СССР. Уиттекер Чемберс – писатель и журналист, бывший член компартии США, после выхода из партии активный борец с коммунистами.

глядеть только при двухсоткратном увеличении), где лучшим шпионам Гитлера предписывалось докладывать об американских экспериментах с ураном по использованию «энергии атомного ядра». В итоге шпионов схватили, прежде чем они сумели выполнить приказ.

С другой стороны, техник-капрал Грингласс, работавший в мастерской в Лос-Аламосе, умудрился нарушить элементарнейшее правило шпионажа: без обиняков подошел и сказал одному ученому: «Какое у вас интересное устройство, сэр» – и получил откровенный ответ «Да, это источник нейтронов» и вдобавок объяснение, которое сумел вынести за ворота мимо ничего не подозревающей охраны прямо в собственной голове. А Клаус Фукс, по-дружески подвозя коллег по Лос-Аламосу до отеля «Ла Фонда» в Санта-Фе, где бармен был агентом ФБР, смог открыто приехать к мосту на Кастилло-стрит для встречи с Голдом. К ведущим ученым власти приставили агентов контрразведки, в том числе и для их защиты, а не только с другими целями, но доктор Фукс стоял чуть ниже по рангу и к нему такого агента не приставили.

Поскольку главной целью страны была победа в войне, разоблачение местного коммуниста, подслушивающего у замочной скважины или протянувшего руку к засекреченным документам, обычно не влекло за собой ареста, который мог бы привести к его признанию и дальнейшему раскрытию шпионской сети. Как и все остальные, контрразведка хотела сохранить видимость сплоченного единства. Подозреваемых или разоблаченных изменников из лабораторий переводили на менее секретные задания или потихоньку отправляли служить в армию в какую-нибудь безопасную глухомань. Коммунисты почувствовали свою относительную безнаказанность и воспользовались ею на все сто процентов. Когда генерал Стронг, глава армейской разведки, в 1943 году потребовал вывести Натана Грегори Сильвермастера, который фактически возглавлял советскую сеть среди государственных служащих в Вашингтоне, из Управления по экономической войне по причине его принадлежности к коммунистам, весь аппарат выступил с энергичным протестом. Обманув одного из членов кабинета, компартия снова пропихнула Сильвермастера на теплое местечко в Департаменте сельского хозяйства, хотя военноморская разведка, как и ФБР, к тому времени уже четко отметила его как оперативного агента НКВД.

До войны шпионаж СССР в США в основном носил промышленный характер. Советское политбюро завидовало американским производственным технологиям. Поскольку русские руководители действовали, опираясь на систему организованной подозрительности, они не доверяли той промышленной информации, которую получали благодаря сотрудничеству. Они считали, что подлинную информацию можно только украсть. Главы советской промышленности не были уверены (хотя публично об этом никогда не говорилось) в том, что способны разобраться в современных производственных процессах, так как обладали лишь узким опытом в определенных областях. Они пришли к выводу, что им нужна вся документация, фактически используемая ведущими американскими корпорациями. В итоге многое из того, что негласно раздобыли советские шпионы до войны, не было секретным; более того, в большинстве случаев оно даже не повлекло бы за собой обвинения в шпионаже. Однако этот процесс позволил натренировать новобранцев, и граница между промышленным и военным шпионажем стала все больше стираться.

Сведения о грузовике нового типа, экспериментальных шинах из искусственной резины или усовершенствованном инсектициде для тропического климата можно было считать промышленными или военными в зависимости от их применения в той или иной области. Считалось, что шпионы, протоптавшие дорожку для перекачки американских деловых и научных технологий в Советский Союз, вполне могли заняться и военными секретами. В начале войны эта теория еще не успела перейти в сколько-нибудь широкую практику, поскольку советский подпольный аппарат в Северной Америке довольно сильно проржавел и потерял эффективность по причине нерегулярного использования и недостатка средств. Советы сосредоточили свои усилия и энергию на других областях.

В этот-то шпионский вакуум и стало засасывать разнообразных честолюбивых личностей из коммунистических партий США и Канады, как о том говорят показания важных агентов, которые позднее отвергли сталинизм. Они обращали внимание Советов на удачные возможности для мелкого осторожного шпионажа, особенно в области суперсекретных исследований атома. Сначала московский Центр не знал, как относиться к этому; он не обладал точной мерой для оценки ситуации. Постепенно поддавшись энтузиазму по поводу так называемого послевоенного оружия – нового оружия, которое разрабатывалось в союзных странах и которое в теории могло повлиять на послевоенную расстановку сил, – Центр стал использовать добровольцев на полную катушку.

Как только Центр осознал военное значение опытов по расщеплению ядра, он сосредоточил на них огромные усилия. «Примите меры и организуйте получение документальных материалов по атомной бомбе!» – гласил приказ с редко встречающимся восклицательным знаком, который поступил из Центра руководителям североамериканских агентурных сетей. Предоставленный Коминтерном список дружественно настроенных ученых Совету использовали по полной программе. От местных коммунистических групп, на которые раньше не обращали внимания, внезапно потребовали предоставить новобранцев. Кружки по изучению марксизма в калифорнийском Беркли, в Чикаго, Монреале и других городах в короткое время обучили ученых этике и способам конспирации. В одном из таких случаев всего за несколько недель интенсивной обработки некоторых профессионалов, прибывших к коммунистическому движению где-то с краю, удалось превратить в полноценных осведомителей.

В «Манхэттенском проекте» напрямую работали 225 тысяч человек и еще 600 тысяч участвовали в нем косвенно. С целью осуществлять наблюдение за 825 тысячами человек (большинство из которых на самом деле не имели никакого доступа к тайнам), США привлекли 750 агентов, считая 500 человек из ФБР и 250 из военной разведки, то есть менее одного агента на тысячу работников. Так как некоторое время было неясно, что именно надо охранять, утечки были неизбежны. Пожалуй, самым незащищенным аспектом атомной программы оказались крупные промышленные концерны, которые брали на себя разные этапы производственного процесса.

Некоторым из таких заводов приходилось иметь дело с профсоюзами, находившимися под контролем коммунистов. Хотя большинство членов профсоюзов демонстрировали лояльность, партийный контроль облегчал ведение непрерывной и успешной шпионской деятельности. Осознавая это, власти США должны были отказать в военных контрактах тем заводам, где верх взяли коммунистические профсоюзы. Однако в первую очередь по причине корыстолюбия крупного бизнеса такое правило не было введено, даже когда начались военные действия в Корее.

Главный ценный вывод, который можно извлечь из фактологической реконструкции атомного шпионажа во время прошедшей войны, заключается в том, что она позволяет осознать сравнительную важность и опасность различных частей коммунистической машины в США и Канаде.

По-видимому, она состояла из трех основных уровней: это открытая партия, куда входили люди, в большинстве своем едва ли больше искушенные в политике, чем сочувствующие; они не имели прямого контакта с русскими, которые действовали за кулисами, и не подозревали о них; далее внутренняя партия, у членов которой были достаточно крепкие желудки, чтобы переварить контакты с русскими; и, наконец, фактически подпольные сотрудники. По-видимому, существовало постоянное течение, которым членов открытой партии сносило в сторону шпионского аппарата, по временам течение настолько сильное, что вовлекало людей с дальней периферии партийной жизни в фактический шпионаж всего за несколько недель.

Гарри Голда, втянутого в промышленный шпионаж еще в давнем 1935 году, хорошо натаскали в способах защиты. Поскольку главным правилом была децентрализация, ему

совсем не понравились дополнительные встречи в Альбукерке в июне 1945 года. Опасность для шпиона увеличивалась даже не в арифметической, а в геометрической прогрессии, в зависимости от числа тех, кто соприкасался с тайной; удвоение количества контактов, как наставляли его, может запросто учетверить опасность разоблачения. В соответствии с этим принципом Голд изначально получил инструкцию сбросить все контакты и сосредоточиться на Клаусе Фуксе. Однако в последнюю минуту в долгую поездку, расписанную буквально по секундам, втиснули вторую важную встречу.

Встревоженность Голда из-за того, что Грингласс пытался завербовать новобранцев, тоже вполне объяснима. В военное время осведомителю шпионской сети, который не хочет встать к стенке, лучше держаться подальше от поиска новых агентов, вербовки добровольцев и агитации.

Когда Грингласс по указанию Юлиуса Розенберга попытался сесть на два стула, это не было ни умным, ни профессиональным поступком. Есть некоторые основания полагать, что Гарри Голд даже не состоял в одной сети с Юлиусом Розенбергом. С точки зрения шпионажа введение его в дело в непредвиденных обстоятельствах, из-за того, что обычный курьер, которого использовал Розенберг, по болезни или каким-то иным причинам не смог совершить поездку, было чрезвычайно опрометчивым шагом. Шесть лет спустя, на первом атомном процессе в истории США, это позволило Голду выступить в качестве свидетеля гособвинения против Юлиуса Розенберга, о котором Голд иначе мог бы никогда не услышать.

Ошибочное отношение к Розенбергу (который стал первым американцем, осужденным на смертную казнь за атомный шпионаж) представляется особенно вопиющим. Уже в 1942 году он собрал вокруг себя группу инженеров-коммунистов с целью получения и передачи ценной промышленной и в редких случаях военной информации советскому агенту – коренному человеку среднего возраста, который именовался Голосом в своей публичной роли управляющего туристическим агентством и просто Джоном в качестве шпионского псевдонима. Ведя свою тайную деятельность, Розенберг служил гражданским инспектором в войсках связи США, посещая поочередно различные заводы Восточного побережья, которые занимались производством военной техники. Кроме того, он был радикалом, исполнявшим всевозможные поручения в контролируемой коммунистами Федерацией архитекторов, инженеров, химиков и техников (ФАИХТ). Еще до конца войны Розенберга уволили из войск связи как явного коммуниста. Своими попытками восстановиться на прежнем месте он лишь привлек к себе внимание и способствовал собственному разоблачению. Несмотря на все это, он продолжал действовать, во-первых, в ФАИХТ как уполномоченный по вопросам занятости и рассмотрению жалоб и, во-вторых, как недоделанный Бенедикт Арнольд³, курируя еще более неумелых сообщников.

То, что в таких обстоятельствах советское начальство продолжало использовать Розенберга для шпионажа и даже не дало ему другого имени для прикрытия нелегальной деятельности, говорит о безответственности или некомпетентности. Говоря по правде, большинство атомных шпионов вызывают недоумение с точки зрения долговременных профессиональных стандартов разведки. Они действовали в рамках наспех организованных агентурных сетей, применяя чрезвычайно оригинальные методы. Это были мальчишки на побегушках, которых посылали на задания, предназначенные для суперменов. Возможно, безрассудство сыграло роль в их невероятном успехе, хотя в конечном счете оно же, бесспорно, и привело к их разоблачению. То, как с ними обращались, неизбежно приводит нас к выводу, что Советский Союз, совершенно очевидно, хотел использовать этих неподготовленных приспешников в качестве шпионов в условиях крайней необходимости, ведь он считал рядовых членов открытой партии

---

³ Арнольд Бенедикт – генерал-майор, героический участник Войны за независимость США, который позднее за деньги предал соотечественников и перешел на сторону Великобритании.

расходным материалом. После 1945 года коммунистическая партия лишилась сочувствующих. У нее осталось около 40 тысяч членов, которых можно было более или менее отследить. Степень их участия в шпионаже отчасти зависела от того, насколько скоро и тщательно их личность устанавливали контрразведывательные органы, а отчасти от того, насколько еще не раскрытые агенты были готовы принести себя в жертву как авангард советского конспиративного аппарата.

Глава 2

Несколько жизней Гарри Голда

Гарри Голд являет собой почти классический пример того, как в любой свободной стране Советскому Союзу удавалось вербовать простаков в свою пятую колонну. Занимаясь шпионажем, Голд все же не достиг профессионального уровня. Это был одаренный любитель, который работал, так сказать, по совместительству и с довольно стихийно организованной сетью. Своим успехом в шпионаже он в большой степени обязан доскональному соблюдению инструкций. Хотя порой Гарри Голд оказывался чрезвычайно полезен своему советскому начальству, его не считали незаменимым сотрудником. Аппарат, который он обслуживал, никогда не испытывал недостатка в других рекрутах, готовых и желающих идти на огромный риск ради незначительной награды. Назначение его курьером для передачи атомных секретов показало, что Советы высоко ценили его способности. Тем не менее этой самой шпионской из всех работ вполне могли заниматься и другие курьеры практически с такими же шансами на успех. Благодарность Советов за его службу оказалась отнюдь не вечной; вскоре после ареста и признания Голда от него отмахнулись, навесив ярлык «антилевого авантюриста», каковым он и остался в глазах коммунистических кругов.

Преувеличенная оценка Голда как «самого гнусного предателя со времен Иуды» и «величайшего шпиона в истории» мало способствовала решению проблемы внутренней безопасности, которую он обнажил. После того как в 1950 году Голду предъявили обвинение в военном шпионаже, наказанием за который является смертная казнь, он был настолько откровенен относительно своего преступления, что удивил даже следователей. Обратившись к федеральному судье Макгранери с просьбой назначить ему адвоката, Голд попросил кого-нибудь широко известного, который позволил бы ему сотрудничать с ФБР. Назначение принял Джон Д.М. Хэмилтон; в 1951 году, незадолго до того, как Голда приговорили к 30 годам заключения (позднее срок был сокращен с учетом его пребывания в тюрьме во время следствия), Хэмилтон сказал суду, что этот атомный шпион показался ему «самым бескорыстным человеком», с которым ему доводилось иметь дело в жизни. Даже если сделать поправку на то, что он выступал в пользу клиента и мог преувеличить, все же здесь чувствуются остатки той прежней американской невинности – излюбленной темы Генри Джеймса. Хотя Хэмилтон возглавлял республиканскую машину во время одной из президентских кампаний в США, он, вероятно, был слишком обычным, слишком не привычным к скрытности американцем, чтобы понять такого непонимаемого, уклончивого человека, как Гарри Голд.

Психологически Голд был оригиналом или чудачком не от мира сего. Его отклонение от нормального поведения на какое-то время повысило его ценность в качестве подпольного сотрудника, но в конечном счете сделало ненадежным агентом.

Всегда неистово себялюбивый – странно, по-своему, – этот отрешенный, тихий как мышь субъект обладал невероятным умением и почти непреодолимым влечением жить в обмане. Он научился разделять свой разум на отдельные части. В каком-то смысле так поступает любой муж, который умудряется содержать любовницу, не вызывая подозрения у жены, или любой мошенник, который выдает себя за честного коммивояжера, возвращаясь домой на выходные. Что выделяло Голда, по его собственным словам, – это постепенно разработанная им, зловещая методика, которая не позволяла мыслям из одной части проникать в другую. Если бы он этого не делал, как говорит сам Голд, его жизнь стала бы невыносимой. Когда перегородки рушились, Голд придумывал новое существование, подобно крабу, который отращивает новую клешню после схватки. Перед тем как Голд попал в тюрьму, он позволил себе вести по меньшей мере три основные жизни. В одной из них, в некоей мечте о том, каким он мог бы стать и что

мог бы совершить, если бы все сложилось по-другому, Голд, на самом деле холостяк, придумал все подробности ухаживания, брака и детей; он описывал семейные радости и ссоры, расставание и надвигающийся развод. Он дошел до того, что перенес некоторые обстоятельства жизни своей матери в воображаемый собственный брак. Он перетасовал семейные связи, мысленно уничтожив своего настоящего, во плоти и крови, брата и придумав вместо него юного кузена, который восхищался им в детстве. В глубине души Голд стыдился этого семейного предательства – о котором ничего не знали дома, ведь с виду он оставался примерным, хотя и замкнутым, сыном и братом, – и к бремени этого стыда добавилось бремя предательства своей религии, своей общины и своей страны.

Если в конце концов Гарри Голд выступил в четвертой, наконец-то конструктивной роли – в роли раскаявшегося американца, то в большой степени это было для него способом избавиться от прежних заблуждений и снять с души тяжкое ощущение вины. В признании он нашел некоторый душевный покой.

Будучи первенцем в семье эмигрантов из России, Гарри Голд вырос в условиях бедности и тревоги. Конечно, не это сделало его шпионом; многие дети иммигрантов добились успеха. Если в большинстве своем они вели мрачное и безотрадное существование, то, пожалуй, это был общий жребий. Разве не Торо сказал, что большинство людей проводят жизнь в молчаливом отчаянии. Пожалуй, то, что так мало юношей из второго поколения иммигрантов оказывалось в тюрьме, учитывая их неустойчивое социальное происхождение, менее удивительно, чем то, что столь многим удавалось вознестись на высоты бизнеса и профессиональной компетентности. Единственное, что можно с какой-либо уверенностью заключить о начале жизни Гарри Голда, – это то, что она способствовала возникновению определенных черт, которые укладывались в его последующее чудовищное развитие.

Самуил⁴ и Циля Голодницкие, его родители, родом происходили из Киева. Они начали свое бегство из России в обетованные земли на Западе в 1907 году. На какое-то время они задержались в Берне, где 12 декабря 1910 года родился их сын Генрих. Когда Голодницкие добрались до острова Эллис в июле 1914 года, им едва не отказали во въезде из-за разного написания их имен в официальных документах. По совету нью-йоркского клерка иммиграционной службы они сократили фамилию до простого «Голд». В 1922 году Генрих превратился в Гарри, когда его родители натурализовались.

С 1914 по 1916 год, когда Гарри проходил через тот период детства, когда, по словам психологов, закладываются базовые подходы к людям и ситуациям, семья Голд постоянно переезжала, с трудом осваивая незнакомый язык и чужие обычаи. Они ненадолго останавливались в Литтл-Роке, штат Арканзас, и в Дулуте, штат Миннесота; шесть мучительных месяцев они прожили в чикагских трущобах. Наконец поселились в пришедшем в упадок районе на южной стороне старого квакерского города в Филадельфии. Там 10 февраля 1917 года в семье родился второй сын, Джозеф. Больше детей у них не было.

В Америке Самуил и Циля Голд сыграли скромную, но довольно созидательную роль. Память о пережитом еще была свежа у них, и они испытывали благодарность за маленькие свободы и мелкие удобства. Однако они привыкли ждать от будущего беды; и было бы странно, если бы их постоянный страх не проник в сознание Гарри. Джозеф родился в уже более обнадеживающей атмосфере. Он вырос более крепким и оптимистичным, чем Гарри. Будучи на шесть с лишним лет младше, он не мог решить проблем Гарри за него. А сравнительная легкость в общении лишь подчеркивала нервозность старшего брата.

Оба сына Голдов испытывали глубокую привязанность к родителям и друг к другу. Выражали они это по-разному. Гарри был готов сделать для Джозефа все на свете, если считал это

---

⁴ По другим данным – Самсон.

необходимым, но он один судил, насколько это необходимо, и день ото дня все чаще либо резко критиковал брата, либо оставался безразличен. Джозефу было трудно совладать с капризами старшего брата – когда они уже выросли, он нередко говаривал: «Гарри – это Гарри, вы же знаете», виновато пожимая плечами, – но по большей части он восхищался Гарри.

Ни отец, ни мать не могли сладить с Гарри. Самуил так и не научился правильно говорить по-английски, что несколько понизило его авторитет в глазах мальчиков, ведь они овладели языком автоматически. Мистер Голд довольно много беспокоился из-за своей работы, поскольку профессия мастера-мебельщика сдавала позиции перед наступлением фабричного производства. Иногда ему приходилось браться за неквалифицированную работу ради пропитания семьи. Лишь когда он, в конце концов, нашел работу, которая казалась ему надежной, – изготовление шкафчиков для патефонов в Кэмдене, штат Нью-Джерси, для продажи по всему Делавэру, он почувствовал, что снова обрел родину в новой стране, но и тогда он в основном возлагал воспитание детей на плечи жены. Циля Голд, невысокая, добродушная женщина, была энергичной и бережливой домохозяйкой, патриотичной гражданкой, матерью, которая заботилась о делах общины, занималась благотворительностью и во время войны даже отказалась взять дополнительные продуктовые карточки от соседа. Она учила соседских детей ивриту, а собственных детей – делиться игрушками и молоком со сверстниками, которым повезло меньше.

Гарри научился избегать других детей, которые часто проявляли жестокость после мягкого обращения, однако он вечно тащил в дом бродячих кошек и собак, чтобы их накормить. Постоянный питомец мог бы пойти на пользу Гарри, но в тесной квартирке без горячей воды не было возможности его держать. Циля постоянно дрожала над Гарри и, вероятно, понимала его не хуже других, но и вся ее любовь и забота не могли добраться до самого сердца его проблем.

То ли сыграло роль плохое питание, то ли нет, неясно, но, какова бы ни была причина, Гарри вырос не таким высоким, как предполагал рост его родителей. Он был толстым, низеньким, физически слабым, буквально не обладал чувством юмора и не умел угодить другим детям, хотя обычно ему удавалось произвести некоторое впечатление на взрослых.

Никто не назвал бы Гарри Голда красивым мальчиком с его смуглой, почти темной кожей, скошенным лбом и нервным взглядом. Природа одарила его длинными ресницами и голливудскими бровями – теми романтичными высокими дугами, которые рисовали себе актрисы на слое театрального грима, но они не были рассчитаны на то, чтобы нравиться разноязычным хулиганам из ближайшей округи. Все дети в каком-то смысле дикари; Гарри мог бы произвести впечатление на товарищей по играм, если бы умел искусно играть, но он считался размазней даже в стеклянных шариках. Деревенский паренек мог бы найти себе утешение в прогулках по лесу, но в том районе Южной Филадельфии, где жил Гарри Голд – возле Пятой улицы и Шанка, – было опасно удаляться далеко от дома. Гарри привык оглядываться при ходьбе и бояться улицы. Не имея совета и поддержки со стороны старшего брата или более сильного или хитрого друга, он сидел дома, когда только мог, инстинктивно ища у матери защиты и компании.

Его мать делала все, что могла; она подбадривала его и кормила сладостями. Поскольку Гарри рано открыл для себя чтение, она решила, что ему на роду написано стать ученым. Она поддерживала его интерес к книгам, думая, что если он получит хорошие оценки в школе, если окажется смышленным в науках, если научится хорошо говорить и писать, то в конце концов посмеется над задирами. Она постоянно говорила это ему. В смысле приобретения друзей или общения с хулиганами на школьных переменах мамин совет отдавал привкусом пустых надежд; и тем не менее Гарри его принял. Что же касается некоторых предложений матери насчет религии, то Гарри никогда не бунтовал; он просто не видел в ней смысла и выражал это хотя и мягко, но вполне отчетливо.

Хотя Гарри Голд начал учиться поздно и постоянно отставал из-за разных болезней, он все-таки довольно неплохо учился в школе имени Джорджа Шарсвуда на пересечении 2-й улицы и Вулф-стрит. Однажды учитель разрешил ему проверить экзаменационные работы. Гарри лихорадочно трудился час за часом, улучшая результаты одноклассников, насколько мог подделать их почерк. Он исходил из той теории, что «все должны сдать»; они имеют на это право, заявил он. Перейдя в старшую школу для мальчиков в Южной Филадельфии и набрав хороший учебный темп, он закончил четырехлетний курс за три с половиной года с таким средним баллом, который позволил ему ко дню выпуска попасть в четверть лучших учеников своего класса. За исключением членства в научном клубе, Гарри не принимал участия во внешкольных занятиях. Он не смотрел спортивных игр, не ходил на танцы. Он никогда не хулиганил в классе. Что касается отношений с одноклассниками, то, за исключением одного или двух, которым требовалась его помощь в учебе, он ни с кем не сошелся, хотя и приобрел уважение учителей. Его преподаватели по английскому языку и наукам, к которым он выказывал особый интерес, порой задумывались, нет ли чего-то вроде высокомерия за его гладкими речами. Директор школы Маттиас Ричардс определил странного мальчика одной фразой: «Он был очень тихий и довольно замкнутый, но учился на отлично».

Гарри Голд получил аттестат по окончании школы в июне 1928 года. Лишь двенадцать лет спустя он получил диплом колледжа по выбранному предмету – химии, да и тогда лишь благодаря финансовой помощи советского шпионского аппарата.

Приближаясь к своей цели, как бы медленно это ни происходило, Гарри постоянно, все сильнее и сильнее, ограничивал свое свободное время. Семь из двенадцати лет он поддерживал изнурительный график работы и учебы, учебы и работы. В последние пять лет Голд, будто бизнесмен, которым движет какая-то внутренняя потребность перерабатывать, хотя его предприятие этого не требует, добавил в него тайный график шпионажа в пользу иностранной державы. Еще задолго до того Гарри Голд выжал почти все соки из собственной жизни. Доктор Карл Юнг показал, что некоторые мужчины и женщины становятся шпионами из-за «бессмысленной пустоты своей жизни». Шпионаж на самом деле дал Гарри Голду ощущение собственной полезности, в котором он так отчаянно нуждался. Волнение, приносимое ему трудом ради некоей цели, окрашивало его самые рутинные действия. В какой-то степени его беспокоило понимание того, что большинство знакомых считают его занудой. Когда же он стал вести двойную жизнь, быть занудой стало обязанностью, поскольку лучший шпион – это, разумеется, тот, кто привлекает к себе меньше всего внимания.

На то, что Гарри Голд тем или иным образом влиял на собственное развитие, указывает тот факт, что он избегал программ, которые ему не нравились. Вскоре после окончания школы он устроился кем-то вроде подмастерья в компанию «Гифткрафтерс», уважаемую столярную фирму в Филадельфии. Это была отцовская идея, и Самуил Голд воспользовался связями, чтобы все организовать. Если мебельное дело, рассуждал Самуил, смогло привести его и его семью на другой конец света, то нечто в этом же роде может гарантировать и его сыну надежное будущее. Когда эта идея потерпела крах, отец практически потерял контроль над Гарри Голдом. В работе Гарри оказался довольно умелым, хотя и не очень сильным физически. Но работа ему не нравилась, и он не поладил ни с коллегами, ни с начальством.

С августа по декабрь Гарри Голд проторчал в столярной мастерской, не жалуясь вслух, но его все более глубокая меланхолия говорила о том, что дела его идут не очень хорошо. В конце концов, примерно в Рождество, неизбежное положение, в котором он либо должен был уволиться сам, либо быть уволенным, дало ему возможность отступить с почетом.

Тогда за дело взялась миссис Голд. Благодаря своим связям в местной общине она помогла Гарри получить скромное место, которое требовало некоторых знаний химии, в дистилляционном филиале филадельфийской компании «Пенсильвания шугар компани». Работа в одиночестве, достоинство труда и лабораторные обязанности воодушевили Гарри

Голда. Его старательность и вежливость, а позднее и талант обратили на себя внимание доктора Густава Рича, химика, возглавлявшего отдел разработок в компании. Когда у доктора Рича тактично попросили совета, тот согласился с миссис Голд, что Гарри – перспективный юноша, которому не помешало бы дополнительное образование.

Гарри всегда испытывал благодарность, когда его привечали и тем более рекомендовали, да и по собственным склонностям он был готов прислушаться к совету доктора Рича. С этого времени он начал откладывать со своей скромной зарплаты, сколько мог; за два года он накопил поразительную сумму – 2500 долларов. Осенью 1930 года, когда ему должно было вот-вот исполниться двадцать, Гарри Голд взял отпуск на работе и поступил на дневное химическое отделение в Таунской научной школе Пенсильванского университета. Не только возраст отделял его от однокашников, которые были несколько младше его. Поскольку он жил не в университетском общежитии, дорога съедала его свободное время. Он не ходил на танцы, не выпивал, плохо одевался; говоря студенческим языком, он был зубрила. Многие зубрилы оживляются в тепле дружеской веселой беседы, но только не Гарри Голд. В его все возрастающей замкнутости чувствовалась самозащита, а еще необходимость зарабатывать деньги, берясь за случайную работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.